

Вика Луговая
**Всё время
мира**

Вика Луговая

Всё время мира

<https://litres.ru/74244622>

SelfPub; 2026

Аннотация

Клим - парень, страдающий от тревожного расстройства и панических атак. Майкл - его друг, пытающийся держать его на плаву и одновременно разбираться со своими проблемами.

Цикл коротких рассказов о двух лучших друзьях, нашедших друг в друге опору.

Содержание

Человек-пазл	4
Ты помнишь?	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вика Луговая

Всё время мира

Человек-пазл

Рано или поздно в жизни каждого человека должен появиться человек-пазл. Человек-пазл показывает тебе то, чего в силу определённых обстоятельств ты не видел раньше. Он – тот самый недостающий элемент, и когда он встаёт на своё место, место в твоей жизни, внутри что-то громко щёлкает, и ты начинаешь понимать, насколько нецелой, пресной и сырой была эта жизнь раньше. Пусть даже ты и не замечал этого.

Вот есть Клим. Клим у двадцать один, и он не то чтобы доволен своей жизнью. Точнее, не то чтобы доволен собой. А еще точнее – совсем недоволен.

Клима повсюду сопровождает страх. Он может быть вызван чем угодно, одной-единственной промелькнувшей мыслью, одним-единственным старым воспоминанием. Он может остаться чем-то вроде назойливой мухи - слабой тревогой, жужжащей где-то в левой стороне груди, – а может перерасти в паническую атаку, и тогда простым жужжанием уже не отделаешься.

Климу говорят – не ной. Говорят – за столько лет мог бы уже привыкнуть.

Клим не согласен абсолютно. Он уверен, что к этому привыкнуть невозможно.

Но сейчас ему не страшно. Он стоит на крыше пятиэтажного здания; не так высоко, казалось бы, но для человека, который от любого шороха дергается как от взрыва, это достижение.

И нет, он не собирается прыгать. Ведь рядом, где-то за спиной, в двух шагах, стоит Майкл. Вообще-то он, конечно же, Миша, но десять лет жизни в Лондоне оставили свой след – имя Майкл буквально приросло к нему. Да и нравилось ему так больше. А Климу не сложно. В конце концов, что значит имя?

– Я должен был убедиться, что у тебя нет боязни высоты, – говорит Майкл, и Клим поворачивает голову, чтобы продемонстрировать другу широкую улыбку. Сейчас, вот именно сейчас, он счастлив.

– Это одна из немногих фобий, которые обошли меня стороной, – отвечает он.

Майкл за рукав оттягивает его от края на середину крыши и достает из кармана наушники.

– Поиграем?

Клим давно уже знает этот вопрос. И этот тон. Он означает: "Я придумал еще один способ, как отучить тебя бояться. Давай проверим, работает ли он?"

Проблема в одном – Клим сейчас не страшно. По его улыбке это видно, ему даже не надо ничего говорить, и Майкл уже серьезнее произносит:

– Ты же знаешь, что я в любую секунду могу спровоцировать у тебя приступ.

Клим знает. Как знает и то, что без его четкого разрешения Майкл никогда этого не сделает. Собственно, он ни разу и не делал. Специально – не делал.

Ведь одного осознания того, что человек обладает над тобой подобной властью, уже заставляет похолодеть.

– Не надо, – произносит Клим, и Майкл слегка расстроено пожимает плечами и убирает в карман наушники. Не понял. – Я имел в виду, нет необходимости.

Майкл извиняется одним взглядом и присматривается к другу. На первый взгляд – никаких изменений, лишь слегка участилось дыхание, да и глаза распахнуты чуть шире, чем обычно.

– Насколько? – спрашивает он, и Клим деланно равнодушно отвечает:

– Довольно ощутимо. Так что делай, что хотел, и быстро. Он искренне надеется, что на этот раз дело не закончится приступом паники.

Иногда Клим спрашивает себя, почему позволяет ставить подобные эксперименты. В последний раз Майкл попросил попробовать словить кайф от страха вместо того, чтобы сопротивляться ему, и это привело к деперсонализации на доб-

рых пару часов – Климу казалось, что он не может управлять собственным телом, что оно действует само по себе, что Клим вообще нет, здесь и сейчас – его нет, он никто и ничто, и от него ничего, ничего не зависит. Противное такое ощущение. Горькое.

Впрочем, на вопрос "почему" довольно быстро находится ответ – потому что Майкл единственный, кто воспринимает его всерьез, единственный, кто вообще хоть что-то делает. А еще, возможно, потому, что Клим верит – рано или поздно Майкл найдёт то, что нужно.

– Надень. Включи то, что тебе по душе.

Клим берет из рук друга наушники и МРЗ-плеер и послушно включает первую же в плейлисте песню. Музыкальные вкусы у них примерно одинаковые.

– Что дальше? – спрашивает он, убрав громкость, и на лице Майкла появляется настолько выразительная предвкушающая улыбка, что Клим обязательно испугался бы, если бы не уже.

– Просто иди. Спиной. И музыку – на полную громкость. Клим все-таки вздрагивает. И праведно возмущается:

– Я – не ты, Майк, я не чертов адреналиновый наркоман!

– Вот именно, – Майкл приближается к другу и хватается за плечи. – Знаешь, почему я ничего не боюсь? Потому что я всегда на адреналине! Попробуй. Просто попробуй. Иди медленно, но не оборачивайся. Я тебя остановлю. Ты ведь веришь мне?

Вообще-то к извечному Майкловому «я ничего не боюсь» Клим относится довольно скептически, но громкость музыки увеличивает и шаг назад делает. И еще один. И еще.

Майкл выглядит счастливым, но смотрит внимательно. А Клим вдруг понимает, что ожидать пропасти на каждом следующем шагу и одновременно наслаждаться песней – это чертовски классно.

В конце концов, под AC/DC и умирать не страшно.

И эта мысль, мысль о смерти, которой Клим чертовски боится, вдруг вызывает такое непреодолимое желание рассмеяться, что он не видит смысла в этом себе отказывать. Он уже заносит ногу для следующего шага, как вдруг Майкл поднимает руку и что-то кричит.

Клим останавливается и срывает наушники. Сердце колотится так, что едва не пробивает ребра, воздуха не хватает, но страха, того самого, с которым Клим уже сросся, – его нет.

Майкл уже здесь, задает какие-то вопросы – просто на всякий случай, потому что видит – получилось. Клим подается вперед и упирается лбом в его плечо. Ему так хорошо, он чувствует себя таким свободным, что хочется летать. Правда, лучше бы все-таки не с крыши.

– Ты же знаешь, что я не всегда смогу заглушать страх адреналином, – говорит он спустя несколько минут, когда они оба снова сидят на крае и болтают ногами.

– Зато теперь мы знаем, что в определенной ситуации это сработает, – отвечает Майкл, делая последнюю затяжку и

бросая вниз окурок.

Клим долго приучал себя не коситься неодобрительно каждый раз, когда Майкл курит. Навязчивых мыслей по этому поводу меньше не становилось, но он хотя бы перестал друга нервировать.

– А еще, – продолжает Майкл. – Теперь мы знаем, как тебе следует подходить к девушкам без риска этих твоих приступов. В наушниках и спиной вперед.

– Придурок, – смеётся Клим и перебирается с парапета ближе к центру крыши, где ложится на спину и смотрит вверх.

Сегодня облачно.

Человек-пазл – это не обязательно вторая половинка. Это может быть человек любого пола и любого возраста, и совершенно не факт, что ты заметишь его сразу – он может сопровождать тебя тенью годами.

Но когда ты замечаешь его, это случается. Щёлкает. И ты становишься целым. Лучше или хуже, тут уж у каждого по-своему, но как по мне – в любом случае лучше, потому что ты как минимум начинаешь понимать себя.

Вот есть Майкл. Фактически он ровесник Клим, но на самом деле – гораздо взрослее. Когда к двадцати годам у тебя не остается ни одного родственника, волей-неволей приходится повзрослеть.

Майкл врет, когда говорит, что ничего не боится. Его едва ли не трясёт, когда Клим звонит ему во время приступов паники и безостановочно шепчет, что не может больше так жить, что это слишком страшно, а покончить со всем этим одним махом у него не хватает смелости.

В такие моменты Майкл искренне радуется, что его друг немного труслив.

– Очень мило, – говорит однажды Клим, внимательно рассматривая еще не высохший акварельный рисунок Майкла. – Нет, правда, зеленое радиоактивное солнце – это забавно. А вот красная трава, признаюсь, меня немного пугает.

Майкл роняет голову на сложенные на столе руки и глухо стонет. Клим терпеливо ждет.

– А трава – она... – произносит Майкл, снова взглянув на друга.

– Зеленая.

– Зеленый – это тот...

– Которым ты рисовал солнце.

– Которое должно быть...

– Желтым.

Майкл переводит взгляд на стену. Клим говорит, что обои в его комнате – синие, а узор из ромбиков на них – голубой. Майкл верит ему на слово. Сам он видит только серый и светло-серый.

Он давно уже не расстраивается. Когда всю жизнь живешь в черно-белом кино, это воспринимается как норма, только

поставленный в раннем детстве диагноз – ахроматопсия – из уст Майкла воспринимается как ругательство.

Никто никогда не говорил с ним о цветах. Даже мама не говорила. С одной стороны, это понятно, но Майклу всегда безумно хотелось знать.

Клим начинает рассказывать сразу же, как только узнает о его проблеме. Говорит о том, что у каждого цвета есть еще и тысяча оттенков, что желтый может быть жарким, как солнце, сухим, как пустыня, или кислым, как лимон, что зеленый – он свежий, прохладный и пахнет, как листва, она ведь тоже зеленая, только не осенью, а осенью – о, Майкл, ты не представляешь, до чего красиво осенью в лесу, грудь распирает от переизбытка вдохновения, в такие моменты не понимаешь, как в мире вообще может быть что-то плохое, страшное, горькое...

Майкл слушает. Заслушивается. Не обижается на редкое «ты не представляешь», не злится из-за того, что не может этого увидеть, он просто счастлив – потому, что в мире такое есть, что Клим может это видеть и может рассказать Майклу, который, внимая, как будто чувствует и вдохновение осеннего леса, и свежесть зеленой травы, и жаркую сухость пустыни.

Поэтому Майкл начинает рисовать. У него получается, и неплохо, и если бы он выбрал графику, выходили бы действительно неплохие картины, но каждый раз, открывая альбом, он упорно берет акварель и кисти.

Единственный, кому он показывает свои рисунки – это Клим. Потому что только он скажет, что солнце не бывает зеленым, а трава вовсе не красная. А потом еще и рассказывать начнет. И ради этих рассказов не грех притвориться, что не помнишь, как называется тот цвет, которого трава.

Человек-пазл может уйти. Может остаться, но приносить боль. Может остаться и приносить счастье. При этом он сам может быть еще нецелым, но тут уже ничего не попишешь, остаётся только ждать и надеяться.

Ключ к пониманию себя всегда таится в другом человеке. Так уж устроено.

Ты помнишь?

- Клим! – Майкл стучит кулаком по запертой двери. Нервы на пределе, и он едва сдерживается, чтобы не вышибить эту проклятую дверь ко всем чертям.

Если бы он так не уважал маму Клима, он бы сделал это ещё пять минут назад. Пять невероятно долгих минут.

- Клим, твою мать!

Вообще-то Майкл знает, что в итоге Клим будет в порядке – настолько, насколько это возможно для него. Но только *будет*.

Он не в порядке *сейчас*, и Майкл представления не имеет, что он должен делать.

Он столкнулся с этим впервые, хотя несколько месяцев мысленно готовился. Он знал, что однажды Клима обязательно накроет где-то рядом с ним, и честно перерыл в Интернете всё о приступах паники, но, разумеется, оказался не готов. Когда Клим вдруг оборвался на полуслове, уставился ошалевшим взглядом куда-то в стену, а потом сорвался и убежал в другую комнату, Майкл впервые в жизни по-настоящему растерялся. В себя его привёл только звук запирающегося замка.

- Клим, пожалуйста...

Всё, что слышал Майкл – лишь тихий скулёж; Клим, наверное, кусал губы, чтобы не кричать.

- Просто открой эту чёртову дверь. Всё... всё будет хорошо.

Сказал и сам же закатил глаза. А то он этого не слышал. Но что-то ведь нужно говорить, верно?

- Ты ведь знаешь, что это пройдёт. Помнишь, ты сам мне рассказывал? Нужно дышать и считать вдохи. Ты можешь дышать спокойно. Тебе хватит воздуха. Всё в порядке, ты же знаешь, что не задохнёшься, что тебе это только кажется. Клим, я здесь... здесь, за дверью, я могу тебе помочь, только попроси, только открой дверь.

Тишина. Скуление тоже затихло. Майкл в бессилии привалился лбом к треклятой двери, и только благодаря этому услышал тихое «Дай мне минуту».

Майкл прислонился спиной к стене и сполз вниз.

Замок снова щёлкнул, и через три удара сердца дверь открылась.

Клим неслышно опустился рядом с Майклом и стеклянными глазами уставился в противоположную стену.

- Прости, - тихо произносит он через несколько секунд.

- За что? – устало откликается Майкл. С ума сойти, он за пару минут устал так, будто провёл на ногах весь день.

- За... меня, - усмехается Клим. – И не трудись, я в курсе, что это звучит по-идиотски.

- Как ещё это может звучать из уст идиота? – Майкл внезапно понимает, что он жутко сердит. – Неужели обязательно было запирается? Я чуть не выломал дверь!

- А что бы ты сделал? – еле слышно спрашивает Клим, и Майкл внезапно понимает, что на это ответить ему нечего. Злость исчезла так же быстро, как и появилась.

Ещё минута тишины.

- Скажи, а ты... ты помнишь?

Клим поворачивает голову в немом вопросе.

- Ну, помнишь, каково это... не бояться? – уточняет Майкл.

Клим снова переводит взгляд в стену. Молчит. Долго молчит. И наконец еле слышно выдыхает:

- Помню.

В голосе друга отчётливо слышатся еле сдерживаемые слёзы.

Больше Майкл ничего не спрашивает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.